

Дэниел слегка неловко огляделся по сторонам.

— Ты собирался прийти в такое место один?

— Почему, разве это запрещено?

— Дело не в этом...

Да, такое вполне могло случиться. Вероятно, он хотел избежать лишних взглядов. Нашлось бы немало людей, которые узнали бы первого пилота Ferrari. В любом случае, это был удобный ресторан для разговора. Дэниел больше ничего не сказал.

Тем для обсуждения было предостаточно. Оба были гонщиками, и, пусть и недолго, в юности выступали в одной серии.

Они могли свободно говорить об индустрии, не нарушая взаимных обязательств о конфиденциальности. Это было самое расслабленное время, которое Дэниел испытывал за последнее время.

— Дэниел, у тебя в этом сезоне результаты просто убойные, да?

— От тебя это звучит так, что даже не хочется изображать скромность.

Они обсуждали впечатления о машинах других команд, изменения в FIA и то, как идут дела в бизнесе одежды Серджио.

По их словам, машина команды Williams определённо стала лучше. Они говорили о том, чтобы поехать в отпуск в Швейцарию этим летом, и если всё сложится, Дэниел тоже мог бы присоединиться. Увлёкшись такими разговорами, они почти забыли о той критике, которой раньше подвергался человек напротив.

Серджио намеренно вёл разговор с преувеличенными жестами — привычкой, которая естественным образом располагала к себе других. Несмотря на беззаботный характер и то хорошее впечатление, которое он производил, у него была история, связанная с серьёзными скандалами и спорами в индустрии.

В детстве он вызвал бурю в младших сериях из-за расистского жеста, а также часто подвергался критике за то, что отвечал на провокационные вопросы журналистов резко и неприятно.

Хотя Дэниел не оправдывал подобное поведение, как коллега-спортсмен он понимал, что давление, которое испытывал Серджио, было на уровне, с которым трудно справиться любому человеку. В индустрии, где на малейший изъян набрасываются и разрывают его в клочья, разве могло быть иначе?

«На самом деле, в личном общении он довольно нормальный парень».

Они только что обсуждали пустяки, но время пролетело незаметно. Дэниел с опозданием проверил сообщение от своего менеджера.

— Серджио, нам не пора уже идти?

Еда давно закончилась. Самое время было заканчивать встречу.

И тогда прозвучала неожиданная бомба.

— Дэниел, это не точно, но я слышал, что в следующем году в Ferrari может освободиться место.

— ...О чём ты говоришь?

— После окончания европейского тура сразу начнётся летний перерыв, верно? У Пьера форма уже не та после травмы. Руководство, похоже, уже приняло решение.

— Эй, подожди секунду.

Раз уж это Серджио так небрежно выболтал секрет, почему нервничать начал именно Дэниел?

Даже думая об этом, Дэниел инстинктивно повернул голову, проверяя, не подслушал ли кто-нибудь, и его движения выдавали беспокойство. К счастью, признаков посторонних не было.

Как хищник, настороженно сканирующий окружающее пространство, Дэниел тихо предупредил:

— Прекрати. Ты же знаешь, что не должен об этом говорить.

— Это только между нами. Я доверяю тебе и знаю, что ты сохранишь это в секрете.

— Доверяешь? Не говори так, будто можешь просто бросаться словами и ожидать, что я соглашусь.

— Ха-ха. Веришь или нет, я больше никому этого не говорил. И не скажу в будущем. Если это утечёт, я сразу пойму, что это ты кому-то рассказал.

— ...

Серджио улыбнулся широко и лучезарно, но у Дэниела начала пульсировать головная боль.

Если задуматься, этот парень всегда был таким: на три года старше, но часто вёл себя как ребёнок, делая что вздумается. Его игривый и бесстыдный характер в юности не раз ставил Дэниела и Эша в неловкое положение.

Слушай это кто-то другой — и они бы уже наперебой пытались первыми сесть за руль на тест-драйве. Дэниел потёр лоб.

— Хранить секрет не так уж сложно, но зачем вообще говорить такие вещи?

— Разве не очевидно? Я хочу, чтобы ты присоединился к нашей команде.

— ...

В тот момент Дэниел, ещё недавно ворчавший о том, что узнал столь неприятный факт, застыл.

Словно белый лазер пронзил оба уха одновременно — озарение ударило электрическим разрядом. Разбросанные кусочки пазла сложились в чёткую картину: случайная встреча, ресторан, где сложно подслушать разговор, расположение столика, идеально подходящее, чтобы не привлекать внимания.

— ...Это ведь не совпадение, да?

— Это совпадение.

— Не играй со мной и скажи прямо. Из всех дней — сегодня, здесь, мы вдвоём без менеджеров, и я первый, кто это слышит? Ты хочешь сказать, это совпадение?

— Дэниел, послушай меня. Сейчас не так важно, совпадение это или нет.

Дэниел не мог понять, были ли эти уклончивые слова правдой или нет.

Хитрая, обаятельная улыбка Серджио легко смела подозрительный взгляд Дэниела, возвращая разговор в нужное русло.

— Твой талант пропадает в Featherway. Ты сам это знаешь. Ни в F3, ни в F2, ни в Ferrari Academy не было ни одного соперника, кто пилотировал бы лучше тебя. Когда ты завершил программу академии, открытие резервного места в Ferrari не было совпадением. Тогда я был молод и тоже получил свою долю критики — мол, меня проталкивает отец, — но сейчас я могу это признать. Линдберг-младший, дело было не только в твоём происхождении — у тебя был невероятный талант. Ты был исключительным.

— Серджио Себастьян Мильштейн.

— Если хочешь злиться, хотя бы сначала выслушай.

Несмотря на всю тяжесть гнева Дэниела, обрушившегося на него, Серджио оставался спокойным.

— Я понимаю, что ты чувствуешь. Ноэль Линдберг, мистер Неприкасаемый. Наш учитель, который до сих пор растит пилотов в Ferrari Academy. Если бы моим отцом был такой человек, я бы тоже, наверное, не смог жить в его тени. Это должно было быть тяжело.

— Закрой рот.

— Но именно поэтому люди и замечали тебя. Они видели потенциал чемпиона, рождённого под крылом отца-чемпиона.

— Я сказал прекрати.

— Переходи в Ferrari. Там ты всегда и должен был быть. Сейчас ты более чем готов, и время подходящее. Директор со мной согласен.

Раздался резкий скрежет — Дэниел оттолкнул стул.

Не в силах больше слушать, он резко поднялся, намереваясь уйти, но Серджио схватил его за запястье.

— Отпусти.

— Сядь. Я ещё не закончил.

— Может, ты и не закончил, но я с тобой уже закончил.

— Не веди себя как ребёнок, Дэниел. При всей моей болтовне я человек, который трижды

упускал чемпионский титул из-за Эша.

Глубокие глаза прямо впились в него.

— Если ты хочешь стать чемпионом, тебе стоит слушать меня больше, чем кого-либо. Возрастной спад — это не то, к чему можно относиться легкомысленно. Я взял свой первый титул чемпиона мира в двадцать шесть. А потом? Хорошо выглядело? Нет. Это был спад. Три года подряд меня вытеснял Эш, и теперь мне тридцать — я чувствую, как моя реакция уже не та, что раньше. Я держусь только за счёт техники. Думаешь, ты чем-то отличаешься?

— ...

— Конечно, возможно, и отличаешься. Ты был быстрее меня ещё в F2. Но отдельно от этого — окно для перехода в топ-команду вроде Ferrari для тебя закрывается. Физически это непреложный факт. Это лето может быть твоим последним шансом.

Жаль. Что-то вроде этого.

Искренние слова Серджио, брошенные почти как монолог, тяжело легли на плечи. Это не были слова, которые Дэниел мог легко принять или просто отбросить, но он чувствовал, как гнев, готовый вот-вот взорваться, постепенно сдувался — словно воздух, уходящий через прокол.

Не желая привлекать к себе внимания, Дэниелу ничего не оставалось, кроме как снова сесть, и он не произнёс ни слова, пока официант не принёс кофе, который он не собирался пить.

Серджио, возможно осознавая, что задел его, тоже молчал.

Однако, если кому-то и нужно было начать разговор, то это была обязанность Серджио. Сделав глоток кофе, он бросил одну фразу:

— Не иди по такому тяжёлому пути. О карьере нужно думать в долгосрочной перспективе.

— Ого, каким мудрым учителем ты стал.

— Ха-ха, таким же мудрым, как мистер Неприкасаемый?

Мистер Неприкасаемый. Неприкасаемый.

Приёмный отец Дэниела, Ноэль Линдберг, был человеком, который под этим прозвищем принёс Ferrari самые славные лавры.

Смог ли бы когда-нибудь ещё один пилот Формулы-1 добиться беспрецедентных пяти чемпионских титулов подряд или монументального рекорда по поулам и подиумам в каждом сезоне?

В годы своей карьеры Ноэль был кошмаром для пилотов — человеком, который мог оказаться за спиной в тот момент, когда ты был уверен, что он впереди, или обогнать сзади, когда ты думал, что он уже позади, превращая соперников в отстающих.

Для Ferrari он был символом победы, а кольцо Chanel, которое он носил как фирменную метку, до сих пор удерживает рекорд самых высоких продаж, не побитый по сей день.

Именно поэтому решение Дэниела отказаться от резервного места в Ferrari сразу после

окончания Академии Ferrari, проигнорировав ту благосклонность, которая его вырастила, стало шоком и для Ноэля, и для фанатов. Это было так, словно любимый, бережно выращенный щенок перепрыгнул через забор в тот момент, когда ему открыли дверь для прогулки.

Критика расцветала, как ипомея, каждую ночь. Это уже было время, когда люди задавались вопросом, не слишком ли легко давать место новичку, только что вышедшему из F2, и с какого момента Формула-1 стала наследственным аристократическим спортом.

Действия Дэниела были словно плеснуть кипящее масло в горящий дом. Обвинения в том, что он избалованный мальчишка, прилипали к нему, как влажный субтропический воздух.

Даже в такой ситуации команда Fernandit Silverbullet дебютировала Дэниела как «человека-скандала», и он дошёл до того, что публично объявил полный разрыв с отцом.

Это всё было в прошлом.

Но иногда это казалось далёким воспоминанием, а иногда — таким живым, будто произошло вчера.

— Я не пойду в Ferrari.

— ...

— Ferrari — единственное место, куда я не пойду.

Спокойная уверенность в его отказе заставила выражение лица Серджио едва заметно потяжелеть.

— Мне всё равно, что говорят другие. Я не сын Ноэля Линдберга и не Линдберг-младший. Я просто Дэниел Линдберг, пилот. Топ-команда? Конечно, это было бы здорово. Я бы с радостью поехал в Mercedes или McLaren, если бы мог. Но Ferrari? Ни за что. Если я окажусь в Ferrari после того, как поболтаюсь по девяти командам и меня назовут списанным, я предпочту уйти из спорта.

— Жёстко.

Нет, это совсем не жёстко. Ты бы не понял.

Ноэль Линдберг был человеком, одержимым своим «влиянием». Даже сейчас, будучи на пенсии, он руководил Академией Ferrari, передавая частички гоночной мудрости талантливым пилотам вроде Серджио и тем самым укрепляя своё влияние.

В годы активной карьеры он обладал харизмой, от которой даже руководители команд содрогались, а дома был абсолютной властью. Все его награды были инструментами влияния.

К тому времени, когда Дэниел и Джошуа стали выше него, Ноэль перестал поднимать на них руку. Но шлем Джошуа всегда стоял на видном месте в шкафу столовой.

Бесконечная слава и бесконечный позор.

Братья жили, обманутые временем.

Никто не мог понять, каково это — быть сыном такого человека.

«Если гонки означают продолжать даже тогда, когда моего брата бьют, значит, мне лучше стать чемпионом».

Джошуа понял это раньше: что так называемый брат, который смело обещал раскрыть насилие их отца, на самом деле сам гонялся в формульной машине под покровительством отца.

Что Дэниел вложил в гонки не только ненависть, но и любовь к трассе.

Именно поэтому он выплеснул такую ярость и ненависть.

— Я злюсь на тебя.

— ...Дэниел.

— Мне не стоило с тобой ужинать.

Если бы только кто-то, кто угодно, мог вытащить его отсюда. Дэниел закрыл лицо обеими руками и раздражённо выдохнул.

Он злился. Не та ярость, которую невозможно вынести, а та, которую он не хотел терпеть. Если бы мог, он хотел бы схватить Серджио за воротник и швырнуть его на землю.

В этот момент его телефон громко завибрировал.

«Алек Уокер».

Это был первый раз. Звонок от человека, которого он считал спонсором, но который больше походил на преследователя, впервые оказался чем-то вроде облегчения.

— Дэниел.

— Заткнись. Если всё, что хотел, уже сказал — просто сядь и сиди.

— То, что я только что сказал—

— Я ничего не слышал. Разве не видишь, у меня звонок?

Резко оборвав его, Дэниел ответил. Серджио посмотрел на него сложным взглядом.

<http://bllate.org/book/17841/1719152>